

О.Н. МЕЛЬНИКОВ

НИМФЕЙ, СКИФСКИЙ ВОЖДЬ САММАК И “ИЗМЕНА ГИЛОНА”

- С античным городом Нимфеем, располагавшемся на побережье Керченского пролива, связаны многочисленные исследования по археологии, истории и нумизматике Северного Причерноморья. Монетная чеканка Нимфея вызывала у специалистов как недоуменные вопросы, так и некоторые разногласия. Но все эти проблемы касались только давно известной однотипной монетной серии, считавшейся до недавнего времени единственной, относящейся к этому полису (№№ 4-6¹; 10, с. 132, XVIII, 10, 11; 26, с. 163-164, XXXIX, 6-8; 60, с. 30-39, II, 21; 59, с. 9; 27, с. 129-130; 61, с. 111, сл.; 2, с. 15, 19, 29; 48, с. 48-49; 47, с. 209). Тем большей неожиданностью стало выделение целой группы монет других типов, также принадлежащих Нимфею (37, с. 60-61; 49, с. 18-20; 62, S. 33-44; 72, S. 601-612; 3, с. 24-25, 31-33, 40-42).

На рис. №№ 7-9 показаны монеты, аналоги которых давно известны в нумизматической литературе. Исследователи относили их к выпускам Пантикапея (10, с. 162. XXII, №171), Фракии (71, S. 6-7), о-ва Самоса (6, с. 23, № 171; 64, p. 72, № 199, pl. XVI, 1), фракийских (67, p. 283) или скифских династов (63, col. 1083, 1084, №№ 1772, 1773, pl. CCCLV, №№ 22, 23).

Интерпретации этих монет, построенные на развернутой легенде старшего номинала - ΣΑΜΜΑ², опираются на негреческое происхождение данной лексемы³. Мы предполагаем, что указанная надпись является сокращением от скифского имени Саммак (ΣΑΜΜΑΚ). Саммак, очевидно, был одним из скифских вождей (37, с. 60-61): “Именно Фракия и Скифия оставили нам немало монет с именами неизвестных ближе династов...” (29, с. 73).

Женская голова на этих монетах может быть изображением греческой (Гера? Нимфа?) или скифской (Аргимпаса?) богини. Украшающий ее головной убор - вероятно, один из видов кекрифала - в виде повязки, охватывающей мешочком волосы на затылке и закрепленной сужающейся частью на передней части головы, отмечен в обиходе Северного Причерноморья первой половины IV в.⁴ (Рис. № 17)⁵. Изображение львиной головы имеет аналоги на монетах нескольких эллинских центров, в том числе и о. Самоса (64, pl. XV).

До 1992 г. в специальной литературе почти не было ссылок на достоверные находки подобных монет. Так, в 1911 г. А.Л. Бертъе-Делагард упомянул о большом кладе боспорских монет из окрестностей Керчи, где единственными “чужеродными” среди монет клада были монеты Саммака, принятые учёным за монеты Самоса (7, с. 37, примечание). В 1913 г. Р. Джеймсон в своем каталоге указал на такую монету, определенную им как фракийская (70, p. 238, №1065а), в составе небольшого клада и тоже из окрестностей Керчи. Вероятно, это был тот же самый клад, о котором двумя годами ранее упомянул А.Л. Бертъе-Делагард.

Исследователи, знакомые со старшим номиналом с надписью ΣΑΜΜΑ, только предположительно локализовывали место их выпуска где-то в скифо-фракийских регионах Причерноморья⁶. Однако автору удалось установить, что в 1970 - 1980-х гг. в районе древнего Нимфея на Боспоре⁷ (совр. пос. Эльтиген [Героевское] г. Керчи) имели место случайные разрозненные находки 6-ти монет указанных выше типов: рис. №№ 7 (1 экз.), 8, 8/1 (4 экз.), 9, 9/1 (2 экз.)⁸ (37, с. 60).

Помимо этого при таких же условиях найден неизвестный в доступной литературе тип монет, показанный на рис. №№ 11, 11/1 (2 экз.)⁹ (37, с. 60). Скифская тематика изображений этих монет (колчан для лука и лук сложного типа), и главное - общее место находки с монетами Саммака в сочетании с начальными буквами надписи позволяют уверенно отнести последние экземпляры к чеканке, производимой от имени упомянутого правителя (37, с. 60).

Отметим, что вторая серия монет Саммака представляет по времени второй случай помещения на монетах скифского лука на Боспоре и третий - в Северном Причерноморье. Изображение лука у скифов (и, вероятно, у синдов) символизировало силу и царскую власть (44, с. 75, сл.). Поэтому во всех известных случаях: и в чеканке Эминака (№ 14), и на диоболе первой фанагорийско-синдской серии (№ 12), и в эмиссии Саммака (№№ 10, 11, 11/1) предполагается монетная чеканка греческих полисов, находящихся под контролем варваров - скифов или синдов¹⁰.

Отсутствие фиксированных находок монет Саммака в других местах, кроме Боспора (монета № 7/1 найдена на Таманском п-ове), и концентрация их разрозненных находок в районе Нимфея (около 10 экз.) позволили автору сделать вывод о чеканке этих монет в Нимфее (37, с. 60).

Недавно, В.Ф. Столбе (49, с. 18) удалось найти в неопубликованных делах Императорской Археологической комиссии, хранящихся в рукописном архиве Института истории материальной культуры, более подробные данные об упомянутом А.Л. Бертье-Делагардом и очевидно, Р. Джеймсоном кладе.

По описанию, представленном В.В. Шкорпиллом, клад был найден в январе 1908 г. 13 монет, составлявших часть клада, были отправлены в Археологическую комиссию. Клад же состоял из монет: Пантикапея, фанагорийско-синдских (с надписью ΣΙΝΔΩΝ) и Саммака.

Подчеркнем факт находки клада именно на месте Нимфея (49, с. 19), что служит дополнительным подтверждением чеканки монет Саммака в этом городе.

Стилистика изображений, элементы вдавленного квадрата на оборотной стороне и состав номиналов монет Саммака, а также их совместная находка в нимфейском кладе с указанными монетами Боспора позволяют ориентировочно датировать их последней третью V в.. Более точно время чеканки этих скифских выпусков можно установить, анализируя сведения из истории Нимфея.

Город был основан в конце первой - начале второй четвертой VI в. ионийскими колонистами, в числе которых преобладающая роль принадлежала выходцам с о. Самоса (59, с. 17 сл., 39 сл., 48 сл.; 14, с. 175; 32, с. 35-36; 12, с. 155-156).

Очевидно, именно эта родственная близость к Самосу обусловила последующую схожесть львиных голов, изображенных в профиль, на некоторых нимфейских и самосских монетах.

С момента становления на Боспоре монетного дела на внутреннем рынке Нимфея начинает обращаться продукция монетных дворов Пантикапея и храма Аполлона. Храмовый двор, находящийся на территории Пантикапея, чеканил союзную монету с начала третьей четверти VI в. по заказам и для внутренних нужд второстепенных городов Боспора. Эти выпуски - на первом этапе анэпиграфные (2, табл. 1, 1, 2/1, 4, 8-10, 12, 13, 23-25¹¹), осуществлялись в рамках монетного союза между меньшими городами (в том числе и Нимфеем) и Пантикапеем. Помимо этого, не исключено изготовление для Нимфея аполлонийским денежным двором специальных монет, отличающихся от общесоюзных типов храма Аполлона¹², и по изображениям близких к монетам Самоса - № 1 (найден в Нимфее) и № 2 (найден в районе Фанагории)¹³.

Таким образом, мы предполагаем изготовление для Нимфея (а так же для некоторых других центров Боспора, например: Фанагории, Гермонассы и Феодосии) монеты на союзном монетном дворе храма Аполлона¹⁴. Эта монета, имеющая, как правило, общий для всего Боспор тип, предназначалась, главным образом, для удовлетворения потреб-

ностей местных денежных рынков второстепенных городов Боспора, заказывавших её для себя¹⁵ (35, с. 37; 20, с. 199). Эта гипотеза объясняет отсутствие во второстепенных, но достаточно развитых городах Боспора ранней монетной чеканки (в том числе и в Нимфее), что вызывало недоуменные вопросы учёных (60, с. 34-35).

В конце VI-го или на рубеже VI-V вв. аполлонийские эмиссии прерываются. Можно предполагать, что причиной этого явилось нарушение в это время устоявшихся связей между эллинскими городами вследствие усилившегося давления на боспорские полисы окружающих варварских племен, очевидно - скифов.

Одним из свидетельств агрессии номадов может служить так называемый Тиритакский вал. Согласно гипотезе В.П. Толстикова, около 80-х гг. V в. симмахия (военный союз) городов Боспора восстановила древний, существовавший, вероятно, еще с киммерийской эпохи оборонительный комплекс сооружений, представляющий собой ров, вал и сторожевые башни. Тиритакский вал начинался от юго-западной границы г. Тиритаки и поднимался на север к побережью Азовского моря¹⁶. Восстановление этой оборонительной линии было предпринято с целью пресечения скифских вторжений в восточную часть Керченского п-ова, в область, контролируемую Пантикапеем¹⁷ (18, с. 160-164; 54, с. 33-35).

После реконструкции вала оказалось, что Нимфей, отделенный в древности от Тиритаки морским заливом шириной до 4 км, переходящим в западном направлении в плавни и болотистую низменность с речкой, протекающей по дну широкой и глубокой балки, остался в изоляции от греко-боспорского "укрепрайона". Полис очутился один на один со скифской опасностью, археологически засвидетельствованной в виде пожаров, находки оружия и запустения поселений нимфейской хоры в первой трети V в. (34, с. 31).

Однако вскоре новое геополитическое положение Нимфея изменило отношение к городу со стороны скифов. Ситуация заключалась в том, что Тиритакский вал перекрыл доступ номадам к районам Порфмия (57, с. 100-103) и Гермисия, где находились северная и средняя "киммерийские переправы", связывающие Керченский п-ов с азиатским берегом пролива - с территорией меотов и синдов (Her., IV,12; Strabo., VII,4.5, X1,2.8). Нимфей же находился в крайней южной и последней доступной для скифов точке, с которой было возможным осуществлять зимние переходы и даже летние переправы через пролив. В античное время расстояние между азиатской и европейской частями Боспора в районе Нимфея было не более 4 км., а глубины не превышали 2 м. (54, с. 41-43; 57, с. 61-82). Со времени восстановления Тиритакского вала скифы должны были рассматривать Нимфей не как объект для нападения и грабежа, а как потенциальный опорный пункт и базу для решения своих военно-политических и экономических задач в европейской и азиатской частях Боспора. Это должно было обеспечить полису более бережное отношение со стороны варваров, что подтверждается начавшимся уже во второй четверти V в. возрождением нимфейской хоры (23, с. 88).

Археологические исследования фиксируют варварское присутствие в Нимфее с середины VI в. (18, с. 260-266; 28, с. 62). Вдоль дороги, ведущей из Нимфея в крымские степи, появляются скифские курганные могильники, самые ранние из которых могут быть датированы еще VI в. (24, с. 188-189). С середины же V в. на некрополе Нимфея появляются богатые захоронения скифской знати (46, с. 3, сл., 93-97), что может служить свидетельством усилившейся заинтересованности номадов в этом районе.

В.П. Толстикова и Ф.В. Шелова-Коведяева не исключают возможность установления во второй четверти V в. скифского протектората над полисом (54, с. 42; 61, с. 81). А.В.Н. Зинько считает более вероятным создание военного союза, "который Нимфейский полис пытался противопоставить альянсу Боспора и синдов с целью сохранения своей независимости" (25, с. 64). Однако поддерживаемое ранее представление о серьезной угрозе Нимфею со стороны Археанактидов (37, с. 61) сейчас представляется ошибочным. При этих правителях "Боспору" было не до экспансии: Археанактиды были более

озабочены созданием и обеспечением противоскифской обороны (Тиритакский вал), чем расширением территории государства за счет соседних эллинских полисов. Поэтому, если между Нимфеем и скифами и существовали какие-то союзнические отношения, то они, скорее всего, были навязаны городу скифами, носили неравноправный характер, и здесь правильнее все же будет говорить не о союзе равных, а о скифском протекторате.

Отметим, что полностью связи Нимфея с Пантикапеем не были прерваны. Можно предполагать, что функции монетной чеканки, приостановившего свою деятельность союзного двора храма Аполлона, взял на себя пантикапейский городской монетный двор. Этот двор, помимо чисто пантикапейских типов - голова льва / свастический рисунок (2, табл. 1, 11, 15), выпускал в конце VI - первых двух десятилетиях V вв. особые монетные типы - голова льва [муравей]/перекрестие, две точки (2, табл. 1, 14, 17, 18), оближенные с аполлонийской традицией последних прервавшихся выпусков храма, отличающихся изображением на реверсе четырёх точек в перекрестии (2, табл. 1, 12, 13).

Поступление монет новых разновидностей в город засвидетельствовано как нимфейским кладом 1949 г. (15, с. 68-71), так и отдельными, известными автору находками (порядка восьми десятков экземпляров, из которых около 75% составлял тип: лев/перекрестие, две точки). Таким образом, Нимфей, очевидно, продолжал заказывать для себя монету вне города, но уже не на храмовом, а на городском монетном дворе Пантикапея.

Возможно, на этом же городском пантикапейском дворе во второй половине 1-го - первой половине 2-го десятилетий V в. был изготовлен по специальному заказу Нимфея особый тип монет (голова льва/перекрестие, две точки) почти не встречающегося на Боспоре мельчайшего номинала с самосской трактовкой изображения головы льва (№ 3). В районе Нимфея сделаны случайные разрозненные находки двух экземпляров таких монет, что дает основания для отнесения их к кругу нимфейской нумизматики (37, с. 61).

Со второй половины 80-х гг. V в. возобновилась союзная монетная чеканка храма Аполлона. И Нимфей снова размещает заказы на храмовом монетном дворе, получая свою монету в виде части союзных выпусков: сначала - две анэпиграфные серии монет с четырёхлучевой звездой (2, табл. 1, 23-25), затем - известный единственный аполлонийский тип с двумя буквами АП (2, табл. 1, 31)¹⁸, и - последующие выпуски с АΠΟΛ (2, табл. 1, 26-28, 2, 48-50). В равной степени с этим монетное обращение городского денежного рынка строилось и на полисных эмиссиях Пантикапея. Свидетельством этому являются полученные автором от коллекционеров сведения о достаточно многочисленных случайных находках в районе Нимфея аполлонийских и пантикапейских монет этого времени (около трех десятков союзных храмовых монет [кроме 2, табл. 1, 23, 25, 2, 48 - все перечисленные выше типы¹⁹, а так же и некоторые их разновидности] и примерно такое же количество синхронных им пантикапейских).

Приход в 438/7 г. к власти Спартокидов резко нарушил сложившееся военно-политическое равновесие на Боспоре. Нимфей не устраивали перспективы оказаться в подчинении у Спартокидов, настроенных на осуществление активной централизующей политики. Вероятно, также, что и скифский протекторат для полиса был довольно обременителен, несмотря на мирный характер соседства с варварами и неплохое благосостояние Нимфея в это время (в экономике города происходил подъем - 59, с. 31; 17, с. 334). Стеснительными для полиса были, скорее всего, какие-то политические моменты, могущие быть следствием скифской опеки.

Большинство исследователей считает, что, воспользовавшись Понтийской экспедицией Перикла (примерно 437-435 гг. - 29, с. 78, 80-81), дошедшей, вероятно, и до Боспора (52, с. 98-113; см. прим. 38), Нимфей вступает в Первый Афинский морской союз (4, с. 68-77; 61, с. 90-114). Именно с этого времени²⁰ начинается афинское политическое и, очевидно, военное присутствие в городе. Вначале, вероятно, в город был введён афинский военный гарнизон, который вскоре был замещён афинскими эпоиками (3, с. 32, прим 2)²¹.

Статус этих военизированных колонистов предусматривал принятие ими местного гражданства при сохранении связей с метрополией, которой приносилась присяга в политической верности. В принявшем их городе эпойки составляли достаточно обособленную и изолированную общину (43, с. 11, сл.).

Недавно свою датировку вхождения Нимфея в Афинский морской союз предложил Е.А. Молев.

На основании того, что афиняне начали предпринимать меры для увеличения доходов союза с 428/7 г., а упоминание Нимфея в списках плательщиков фороса сохранилось под 425/6 г., Е.А. Молев относит вступление Нимфея в Морской союз в промежуток между 428 и 425 г. (41, с. 57-58).

Но на этот период приходится не только увеличение требуемой Афинами с союзников дани, но и ослабление Афин после эпидемии (чумы или сыпного тифа), восстания членов Морского союза на островах Лесбос (г. Метилены) и Керкира. Все это происходит на фоне начавшихся в 431 г. и разгорающихся военных действий между Афинами и Пелопонесским союзом.

Е.А. Молев полагает, что в таких условиях вхождение в Афинский союз Нимфея, а так же боспорских городов: Киммерик, Патус и Гермонасса, было "результатом их собственной инициативы" (41, с. 57).

Описанная внешнеполитическая ситуация не способна убедить нас в предлагаемой исследователем датировке включения Нимфея в Архе. Тем более, что первой из причин, подвигнувших упомянутые города к вступлению в Афинский союз, Е.А. Молев считает непосредственную деятельность Перикла (второй причиной предполагается военная угроза со стороны Спартокидов - 41, с. 57). Однако Перикл был отстранен от должности в 430 г. и умер во время эпидемии в 429 г. Эти даты несколько не дотягивают до определенного Е.А. Молевым времени вступления Нимфея в Архе, что, опять же, не способствует принятию датировки исследователя.

Членство в Первом Морском союзе обеспечило Нимфею военную поддержку Афин. Это упрочило позиции полиса как во взаимоотношениях со скифами (очевиден выход города из-под вероятного скифского протектората), так и с "Боспором", возглавляемым Спартокидами (61, с. 81, 114).

Политика Спартокидов, направленная на подчинение себе независимых полисов Боспора (61, с. 89, 90), привела к прекращению союзной аполлонийской чеканки (35, с. 37-38). Подкреплённый специальным "проаполлонийским" изменением монетных типов попытка этих династий передать функции храмового монетного двора монетному двору Пантикапея — новые пантикапейские серии: 1) голова Аполлона [птица-ворон] / "не пересекающееся" перекрестие, ПАНТ²² [10, т. XIX, 24; 6, с. 79, №98]; 2) голова Аполлона [муравей] / голова барана, ПАНТІ [2, т. 2, 56-57]; (по аналогии с ситуацией появления пантикапейской серии первого-второго десятилетий V в., типов: голова льва [муравей] / перекрестие, две точки) — успеха не имела. Около середины 30-х гг. V в. Фанагория (под синдским протекторатом), Феодосия (38, с. 208; 39, с. 14) и Нимфеей приступают к выпуску собственной монеты²³ (35, с. 37-38; 48, с. 49; 37, с. 61).

На единственной серии монет Нимфея этого периода (Н1) отсутствуют какие-либо элементы, сближающие выпуски этого города с монетами Самоса (например, голова льва в профиль), родственная типологическая связь с которыми упоминалась выше. Объясняется это, очевидно, тем, что только в 439 г. закончилась девятимесячная осада Самоса Афинами, завершившаяся разгромом первого, но дорого обошедшаяся последним (31, с. 335); напоминать же лишний раз о непокорном Самосе было бы весьма бестактно.

Судя по выпуску не претерпевшей стилистических изменений одной серии, автономная монетная чеканка Нимфея осуществлялась в пределах 10-15 лет и должна была прекратиться к середине - во второй половине 20-х гг. V в.²⁴

Причиной прекращения этих выпусков стал изданный в Афинах Монетный декрет Клеарха. Монетный закон предписывал второстепенным городам - членам Первого Морского союза - перейти на аттическую систему мер и весов и принимать в обращение только афинскую монету (50, с. 26-28).

Ранее мы придерживались мнения П.О. Карышковского, согласно которому предполагались две даты при применении Клеархова декрета: издание Монетного закона около 449/8 г. и нового строгого его подтверждения близко к 423/2-му г. (29, с. 62-63, 70, 97-98). На последнюю дату и ориентировалось наше предположение о времени прекращения чеканки серии Н1 (37, с. 61).

Недавно А.В.Стрелков подробно рассмотрел проблемы, связанные с Монетным декретом Клеарха и, в частности, вопрос о датировке этого постановления. Специалист пришел к выводу, что наиболее вероятным временем издания закона является период от заключения перемирия в Пелопоннесской войне в 422 г. и Никиева мира в 421 г. до возобновления военных действий. Верхней хронологической границей (*terminus ante quem*) для декрета считается 414 г. - год постановки комедии Аристофана "Птицы", где есть упоминание о Монетном постановлении (50, с. 35, 38, 46).

Таким образом, изданию закона Клеарха отводится промежуток с 422 до 418 гг. (в 418 г. возобновились военные действия Афин со Спартой).

Уточнение датировки Монетного декрета не противоречит ранее предполагаемому времени прекращения автономной нимфейской чеканки (37, с. 61). Одновременно становится понятно, почему "интересующие нас монеты не несут на себе следов афинского влияния, в то время как псефизма Клеарха предписывала переход на аттическую систему мер, весов..." (48, с. 48).

Принятие декрета Клеарха в период с 422 до 418 гг.²⁵ объясняет прекращение чеканки серии Н1 (осуществлявшейся где-то между 437-м г. и концом 20-х гг. V в. - 37, с. 61). Это же обстоятельство снимает хронологическое ограничение первой версии В. А. Анохина, наложенное на эту эмиссию. Первоначально ученый полагал возможным ее начало только после 413 г., когда разгром военной экспедиции афинян на Сицилии привел к началу развала Афинского морского союза²⁶ (2, с. 19, 29).

С конца 20-х гг. V в. монетный рынок Нимфея пополнялся в основном фанагорийско-синдскими монетами (полисными выпусками Фанагории с надписью ΣΙΝΔΩΝ). В гораздо меньшем количестве в город поступали монеты Пантикапея. По наблюдениям автора, случайные и археологические находки последних десятилетий в районе Нимфея дают следующее процентное соотношение монет последней трети V в.: 1) монеты с ΣΙΝΔΩΝ (в том числе и экземпляр №12) - около 35% (наличие этих монет на нимфейском денежном рынке подтверждает и состав клада 1908 г.); 2) автономные монеты Нимфея - около 30% (в том числе и №№ 5-6); 3) Пантикапея - около 15%. Оставшиеся примерно 20% приходятся на монеты Саммака (в том числе и №№ 7, 8, 8/1, 9, 9/1, 11, 11/1), Феодосии (38, с.214, №№ 2, 2/1; 39, с. 17), Ольвии (№ 15; 15, с. 67; 36, с.37-38), а также на единичные находки монет Афин (№ 16)²⁷, Гераклеи Понтийской (38, с.217, №17; 39, с.18) и Керкинитиды (№ 13).

Конечно, в реальном денежном обращении и в более узкие промежутки времени процентное соотношение монет различных центров было несколько иным. И не только по причине корректирующих политических событий (декрет Клеарха), но и за счёт выпусков храма Аполлона и Пантикапея более раннего времени (о чем свидетельствует и состав клада 1908 года - тип: голова льва/свастический рисунок, ПАН [2, табл. 1, №36]). Тем не менее, указанное процентное соотношение достаточно убедительно демонстрирует сложившуюся экономическую независимость и даже нарочитую обособленность Нимфея от Пантикапея.

Из приведённых статистических данных также видно, что в денежном обращении Нимфея почти отсутствовали монеты Афин. Однако едва ли афиняне могли обвинить

нимфейцев в неисполнении верховных постановлений союза. Ведь на явное нарушение Монетного декрета: неаттическое монетное обращение вследствие выпуска собственных монет Нимфей не пошёл. А то, что в результате этого в город начала поступать не афинская, а фанагорийско-синдская монета было следствием не самоволия полиса, но его удалённостью от Афин и остальных городов Архе.

После поражения афинских войск в Сицилии в 413 г. из Афинского морского союза на сторону Спарты в 411/10 г. перешли Византий и Кизик, что подорвало господство Афин в проливах, - "а, следовательно, и на Понте" (29, с. 81). Поддержка Афинами своих отдаленных поселенцев была ослаблена. Это приводит к усилению в Нимфее позиции скифов, предьявивших свои претензии на власть в городе. Вероятную реакцию афинян на эти притязания можно смоделировать на основе наблюдений Т.В. Блаватской: "для Афин годы 413-407 были временем самых энергичных поисков новых союзников, причем уже приходилось искать их не в среде греческих полисов, а привлекать на свою сторону царей и династов... Авторы и эпиграфические источники согласно свидетельствуют о значительных успехах афинской дипломатии на этом поприще... Вполне допустимо предположить, что именно в эти годы Афины постарались установить дружественные отношения и с Сатиром, примирившись с потерей Нимфея, так как это событие было лишь каплей в море афинских потерь" (4, с. 71). Исследовательница предполагала переход Нимфея под власть Спартокидов между 413 и 405 гг.

Заменив в высказывании Т.В. Блаватской Сатира на Саммака, мы получим именно ту картину, которая представляется нам на основе рассматриваемых данных нумизматики: начальник афинских эпойков не решился вступить в открытый конфликт с варварами, не преминувшими воспользоваться ослаблением афинских позиций в городе. Предоставив скифам большую свободу действий (возможно, на основе какого-то договора, гарантирующего номинальное афинское присутствие), афинские эпойки "отошли в тень", заняв нейтрально-выжидательную позицию. В полисе после 410/9 г. – год последнего упоминания Нимфея в списках плательщиков фороса в Афинский морской союз (61, с. 113) – начинается чеканка монет от имени Саммака (серии HC1, HC2). Из этого следует вывод о том, что Нимфей попадает (очевидно - вторично) под протекторат скифов так же, как несколькими десятилетиями ранее под опекой скифов оказалась Ольвия, а под влиянием синдов - Фанагория.

Монеты Саммака наконец-то проясняют дискутирующийся в литературе с первой половины 1930-х гг. вопрос о так называемой "измене Гилона" - деда знаменитого оратора и политического деятеля Афин Демосфена (21, с. 24-37; 28, с. 27-36; 22, с. 186-194; 8, с. 156-158; 59, с. 6-9; 61, с. 90-115; 2, с. 19, 29; 41, с. 63-65; 52, с. 107-108; 3, с. 40-42, 48).

В речи "Против Ктесифонта" Эсхин сообщает: "Был некто Гилон из керамейцев. Это-то, предав врагам Нимфей в Понте, ведь тогда город (Афины - О.М.) владел этой областью, бежал из города (из Афин - О.М.) из-за исангелии, не дождавшись решения суда, и прибывает в Боспор, и там получает подарок от тиранов - так называемые Кепы, и женится на богатой женщине..." и далее: "...одного из его (Демосфена - О.М.) предков вы приговорили к смерти (Гилон - О.М.)..." - перевод Ф.В. Шелова-Коведяева (61, с. 105-106).

Странно, что при всестороннем рассмотрении этого сообщения большинство исследователей не обращали внимания на достойный удивления факт возвращения Гилона после совершенного им предательства в Афины, где его ждала за содеянное смертная казнь. Получается, что Гилон понимает это, уже находясь в Афинах, хорошо, хоть успевает бежать на Боспор (!).

Те же из ученых, которые учитывали эту особенность скандальной истории с Гилоном, вынуждены были предполагать формальную недостоверность переданной Эхином информации о факте предательства, обвиняя тем самым древнего автора в прямом обмане.

Между тем, упомянутые действия Гилона из сообщения Эсхина объясняются следующим. Разгром в 405 г. афинского флота спартамцами в сражении при Эгоспотамах привел афинское присутствие в Нимфее в состояние полной "подвешенности". Дальнейшее бездеятельное выжидание руководства афинских эпойков теряло смысл. Гилон, будучи, вероятно, начальником этой афинской военизированной общности, предпочитает обратиться за помощью к Спартокидам и устраивает передачу города под власть этой молодой династии, вырывая Нимфей не столько из-под влияния Афин, сколько из-под военной и политической опеки скифов. Осуществить это без поддержки афинских эпойков ему едва ли бы удалось.

Таким образом, Гилон фактически не предавал интересы Афин (те же эпойки ему бы этого не позволили), а, выбирая из двух зол меньшее, дальновидно действовал в русле этих интересов, что и подтвердила дальнейшая история боспоро-афинских отношений. Именно в связи с этим Гилон возвратился в Афины после "предательства", будучи убежденным, в отсутствии в своих действиях такового. Ситуация в Афинах в это время явно не располагала к объективному рассмотрению действий Гилона, и он бежит в "Боспор", где принимает от Спартокидов достойную награду. Ведь правители "Боспора" получили не просто осколок разваливающегося Афинского морского союза (как предполагал в своей первой версии В.А. Анохин - 2, с. 19, 29²⁸), который не составляло большого труда прибрать к рукам. Благодаря Гилону Нимфей был вырван из-под опеки самого сильного соперника Спартокидов в борьбе за военно-политическое господство на Боспоре - скифов. Формально же при этом Гилон оставался предателем, сдавшим город и сбежавшим из-под афинского суда²⁹, что, собственно, и передал "правдиво" (с соответствующим умолчанием) Эсхин.

Таким образом, наиболее правильным является мнение исследователей, согласно которому Гилон сдал Нимфей Спартокидам вскоре после разгрома в 405 г. афинского флота при Эгоспотамах (18, с. 163; 60, с. 38; 41, с. 64)³⁰. Этой датировке не противоречит и семейная хроника Демосфена. Действительно, если Демосфен родился в 384 г., то его мать Клеобула могла появиться на свет как вторая дочь Гилона около 402-400 гг. (4, с. 85-86, прим. 2). Тогда женитьба Гилона и рождение его первой дочери придутся на 404-303 гг. Следовательно, такие события, как сдача Гилоном Нимфея Спартокидам, возвращение его в Афины и бегство на Боспор с принятием в подарок Кеп вполне могли уложиться в пределах одного 405 г. (2, с. 19). Этот год и является верхним рубежом выпуска монет Саммака, завершающих монетное дело Нимфея³¹.

В последнее время интерес к монетам группы ΣΑΜΜΑ проявили сразу несколько исследователей: В.Ф. Столба, В.А. Анохин и И.Е. Суриков. Об успешных архивных розысках В.Ф. Столбы уже упоминалось выше. В результате этих поисков он пришел к выводу о том, что упомянутые монеты "следует скорее приписывать неизвестному боспорскому тирану", в котором чуть позже ученый предположил самосского аристократа Саммаса, бежавшего из разгромленного Афинами в 439 г. Самоса в Нимфей и отчеканившего в 438/7 - 437/6 г. в Нимфее от своего имени монету (49, с. 20; 72, S. 601-612).

Еще более оригинальную разработку по эмиссии группы ΣΑΜΜΑ предложил В.А. Анохин. По его мнению, эти монеты чеканила "значительная группа самосцев", бежавших из Самоса в Нимфей в 439 г. Легенда на монетах является сокращением от сложносоставного слова ΣΑΜΜΑΙΩΤΑΙ - "самосцев меотийских". В.А. Анохин считает, что во время своей Понтийской экспедиции в 437 г. Перикл привел к власти на Боспоре Спарадока (Спартока) - выходца из фракийского царского дома³². Следствием афинской политики в Черном море стало и вступление в 437 г. в афинский морской союз Нимфея, приведшее к прекращению монетной чеканки "саммеотов" в Нимфее. Скифы, присутствие которых археологически зафиксировано в Нимфее с середины V и даже еще в VI вв., прибыли, согласно мнению В.А. Анохина, на Боспор из Приднепровья (о чем свидетельствует обряд

варваров, погребенных в Нимфее), по просьбе Перикла для защиты афинских эпойков в Нимфее (надо полагать, - после 437 г.?). "Саммеоты", оставаясь врагами Афин и их ставленника - Спарадокса (Спартока), возможно, бежали в Феодосию, что впоследствии стало дополнительным поводом войны Спартокидов за подчинение Феодосии. Внесли свою лепту "саммеоты" и в дело Гилона. По новой версии В.А. Анохина, вскоре после 405 г. под натиском все тех же "саммеотов" (живших в Феодосии после их изгнания из Нимфея Периклом) "оказавшись бессильным удержато город он [Гилон] мог отправиться с остальными колонистами в Афины, где его начали преследовать". Захват города "саммеотами" (по причине бессилия Гилона) и их десятилетнее правление до перехода полиса под власть "Боспора" привели к выпуску Н1 - автономной серии монет Нимфея (62, S. 35-43; 3, с. 23-36, 41-42).

И.Е. Суриков принимает чеканку рассматриваемых монет в Нимфее, а так же и датировку их В.Ф. Столбой и В.А. Анохиным. Однако на основании грамматических структур древнегреческого языка исследователь отвергает прочтение надписи ΣΑΜΜΑ как сокращений и от имени самосца Саммаса, и от самоназвания "самосцев меотийских"³³. Отрицая последний вариант, он также делает справедливое замечание о довольно-таки удаленном положении Нимфея от Меотиды. В качестве версии происхождения надписи, И.Е. Суриков выдвигает предположение о сокращенной форме "иногo названия" Нимфея, которое полис мог носить до вступления в Афинский морской союз (53, с. 6-7).

Оставляя в стороне спорные вопросы грамматики, рассмотрим последние версии о происхождении монет группы ΣΑΜΜΑ с точки зрения нумизматики.

С предлагаемой учеными датировкой этих монет (ранней по отношению к серии Н1) не согласуется типовой комплект упомянутого выше нимфейского клада 1908 г., монетный состав, которого не отвечает критериям, необходимым для поддержки хронологии исследователей.

Самым ранним в клада является тип: голова льва/свастический рисунок, ΠΑΝ (2, табл. 1, 36), присутствующий, вероятно, в единичном числе.

Основное же количество в клада составляли монеты последних двух фанагорийско-синдских серий – голова Геракла/голова коня или сидящий грифон (2, табл. 1, 42, табл. 2, 52, 59), синхронных им пантикапейских – голова льва/голова барана (2, табл. 2, 54, 55) и группы ΣΑΜΜΑ. Точное число монет последней группы, присутствующих в клада, не известно. Но судя по нескольким экземплярам, появившимся в 1912-1914 гг. в Западной Европе в аукционных распродажах и коллекциях (65, Taf. IV, 120, 121; 70, S. 238, № 1065a; 66, Taf. VIII, 435-437) и происходящих, очевидно, из нимфейского клада 1908 г., рассматриваемые монеты не могут характеризоваться в составе клада как единичная случайность.

В.Ф. Столба отмечает: "Прекрасная сохранность всех известных экземпляров клада и отсутствие следов потертости в обращении не только свидетельствуют о кратковременности их накопления, но и подтверждают высказанное еще А.Н. Зографом... мнение об одновременности представленных в комплексе серий" (49, с. 19).

Поэтому, есть все основания синхронизировать выпуски Саммака с самыми поздними монетами клада (лев/баран и Геракл/грифон). Завершение чеканки последних монетных типов (ко времени обращения, которых относится образование клада) мы относим к середине завершающего десятилетия V в.. Датировка этих же серий у В.А. Анохина - последнее десятилетие V в. (2, с. 138, №№ 54-56, 59, 60; 3, с. 39, Рис. 5, 3, с. 43, Рис. 7, 3). Но ученый ранее полностью, а теперь частично синхронизирует эти выпуски с нимфейской серией Н1³⁴ (2, с. 138, №№ 61-63; 3, с. 41, Рис. 6). Монеты этой серии, не были редкостью в нимфейском денежном обращении последней трети V в. Как указано выше, они занимали здесь второе место, лишь немного уступая в количестве фанагорийско-синдским выпускам.

Следовательно, отсутствие в нимфейском клада представителей автономной серии Нимфея требует какого-то особого пояснения, которое, если даже и будет предложено, то,

скорее всего, будет выглядеть как дополнительная натяжка в рамках построений В.А. Анохина.

То же самое относится и к датировке монет группы ΣΑΜΜΑ В.Ф. Столбой. Помещение исследователем автономных монет Нимфея (Н1) после 438/7 г. и до 20-х гг. V в. (48, с. 49), хотя и не вполне совпадает с нашей хронологией, но и не противоречит ей. Но так как специалист ставит эмиссии с ΣΑΜΜΑ перед автономными выпусками Нимфея, то вызывает удивление наличие в кладе первых при отсутствии последних. Ведь серия Н1 находится ближе по времени к представленным в кладе монетам с ΣΙΝΔΩΝ (48, с. 49), чем более редкие и будто бы более ранние выпуски с ΣΑΜΜΑ.

При прекращении же чеканки серии Н1, в действительности, около 422 г., то есть - за 15-17 лет до времени сокрытия клада, автономные монеты Нимфея в клад могли уже и не попасть. А если допустить выпуск их единственной серии во второй половине 30-х - первой половине 20-х гг.³⁵, то это может увеличить разрыв во времени до 25 лет. Нельзя забывать и о том, что, вследствие вероятного подтверждения лояльности нимфейцев Монетному декрету Клеарха, монеты полиса ко времени тезаврации клада давно должны были быть изъяты из обращения, что и согласуется с отсутствием автономных нимфейских выпусков в кладовом комплексе.

Вместе с тем, именно сочетание двух факторов: отсутствия в кладе монет серии Н1 и наличия нескольких монет Саммака, как нельзя лучше соответствует сведениям об остальном типовом составе монет клада и дате - 409-405 гг., предложенной нами ранее для чеканки указанного скифского правителя (37, с. 61)³⁶.

Версия же И.Е. Сурикова об "ином названии" Нимфея до вступления города в Морской союз, с одной стороны, основывается на упомянутых посылках исследователей о ранней (по сравнению с серией Н1) хронологии монет группы ΣΑΜΜΑ. Но эти посылки, как было показано, не согласуются с данными нумизматики. С другой стороны, мнение специалиста базируется и на предположении В.Д. Блаватского об "ином названии" Нимфея (53, с. 7). Однако В.Д. Блаватский свою идею высказал в связи с поисками центра выпуска монет с надписью ΑΠΟΛ и попыткой объяснения отсутствия нимфейской чеканки, которая должна была бы предшествовать серии Н1 (5, с. 17, 24-27). Гипотеза о принадлежности аполлонийских эмиссий пантикапейскому храму Аполлона, предложенная Ю.Г. Виноградовым, сейчас является общепризнанной, если и не всеми исследователями, то, по крайней мере - специалистами в области нумизматики. Связь же этих эмиссий с Нимфеем, объясняющая отсутствие ранней монетной чеканки в городе, показана выше. Таким образом, предположение И.Е. Сурикова так же не имеет нумизматического обоснования.

Теперь рассмотрим перечисленные версии с точки зрения археологии и истории.

В случае, если из разгромленного Самоса состоялось переселение в Нимфей беженцев, то последние должны были проделать немалый путь, преодолеть массу трудностей новоселов в чужом городе (получение определенных юридических прав, решение проблем жилья, "трудоустройства" и т.п.). После чего (или параллельно с этим?) переселенцы (или один аристократ Саммас) добиваются особого права выпустить свою (причем, только свою!) монету в полисе, не имеющем собственного монетного двора, создают этот двор, налаживают чеканку и успевают осуществить эмиссию двух монетных серий. Возникает вопрос, каким образом беглецам с Самоса удалось реализовать все это за время не более двух лет? И для чего это им было нужно?

Все это возможно, если только допустить, что выпуск рассматриваемых монет был жизненно важной задачей иммигрантов (или одного аристократа) с Самоса, и на это были брошены все их силы. Но едва ли можно признать жизненно важной экстренную демонстрацию непокорности Афинам (или амбиций аристократа?) посредством скромной чеканки среднего, мелкого и мельчайшего серебра, предназначенного для узкого употребления внутри небольшого полиса, который находился чуть ли не на самом краю эллинского мира.

Если хронологическая близость Понтийской экспедиции Перикла со сменой правящих

династий на Боспоре имеет нечто большее, чем простое совпадение по времени, то даже само это совпадение находится только в полосе, хоть и наиболее вероятных, но - предположений. Вместе с тем, исторические источники не дают даже и намёка о том, что Спартокиды своим приходом к власти напрямую обязаны Периклу или Афинам³⁷. Имей предложенная В.А. Анохиным реконструкция воцарения Спартока на Боспоре место в действительности, то мы могли бы считать, что вступление в морской союз Нимфея было если и не следствием прямого насилия со стороны Афин, то носило не вполне добровольный характер: если уж крупнейший город Боспора Пантикапей вынужден был подчиниться "кадровой" политике Афин, то для Нимфея возможность выбора была бы еще меньшей.

Однако если бы Спарток захватил власть, не столько используя ситуацию внутри "Боспора", сколько опираясь на поддержку извне в виде военной силы Афин, то трудно объяснить, почему же сам Пантикапей во главе с афинским ставленником не оказался в числе членов Афинского морского союза?

С предложенным В.А. Анохиным вариантом событий не вяжется и то, что Перикла не заинтересовала Феодосия - важнейший стратегический пункт на границе Боспора со стороны Афин. Прояви Перикл интерес к Феодосии - и "саммеотам" не удалось бы укрыться в этом городе.

Предполагать же поход Перикла на Нимфей с целью не дать спокойно жить "саммеотам" (если они действительно туда во множестве переселились, что никак не засвидетельствовано археологически) или некоему самосцу Саммасу кажется несерьезным. Проблему же "обеспечения свободного доступа афинских купцов на боспорский рынок зерна" (3, с. 31) можно было решить кардинально только через выяснение отношений с Пантикапеем, а достигнуть этого Периклу, даже если он и предпринял такую попытку, в полной мере не удалось³⁸.

Таким образом, не имея Пантикапей членом Афинского морского союза (что является серьезным свидетельством против предположения о прямом участии Афин в смене династий в "Боспоре"), мы не располагаем ни единым намёком и на то, будто вхождение Нимфея в Архе не было инициативой самого полиса. Но как в таком случае объяснить враждебную афинянам монетную чеканку в городе, который, дав санкцию на эти демонстративные выпуски (будь то от имени многочисленной группы самосцев или от имени одного аристократа), тут же добровольно спешит записаться в число афинских сторонников?

На этом этапе анализа материала исчерпывается информационный объем версии В.Ф. Столбы о самосском аристократе Саммасе. Накопившиеся сомнения не позволяют считать достоверным изложенное предположение исследователя.

Развернутая же реконструкция событий у В.А. Анохина, сделанная ученым в рамках его второй версии по событиям вокруг Нимфея (3, с. 23-33, 41-42, 48), позволяет сделать еще несколько замечаний.

Для защиты интересов Афин в Нимфее туда была выведена военизированная (иначе и быть не могло) колония эпойков. А для защиты этого вооруженного сообщества были специально приглашены (по В.А. Анохину) приднепровские "царские" скифы. При этом В.А. Анохина не смущает факт хронологического несоответствия между начальной датой зафиксированного присутствия скифов в Нимфее с VI до первой половины-середины V вв. (46, с. 51. Прил. №№ 113, 117) и поселением в Нимфее эпойков после 437 г.

Никак нельзя признать объективной в изложении В.А. Анохина археологическую интерпретацию прихода в Нимфей "царских" скифов. Ученый, говоря о приднепровских признаках нимфейских захоронений (3, с. 33), умалчивает о том, что этим же погребениям присущи черты, свойственные как скифам Восточного Крыма (46, с. 70 сл., 96), так и варварским погребениям Прикубанья (16, с. 265). Эта особенность нимфейского некрополя стала причиной дискуссии среди специалистов (46, с. 89-91), но прекрасно согласуется с

гипотезой В.П. Толстикова о варварском европейско-азиатском коридоре, европейской дверью которого был Нимфей (54, с. 42-43)

Слабым звеном в предположении В.А. Анохина является сама трактовка сдачи Нимфея Гилоном. То, что после Эгоспотам на поддержку Афин Гилон уже не мог рассчитывать, вовсе не означало для афинянина безнадежную ситуацию. Ведь согласно мнению исследователя, рядом находились: 1) "царские" скифы, специально призванные охранять эпойков; 2) Пантикапей со Спартокидами, обязанными Афинам своей властью. Все мероприятия по выведению эпойков и приглашению "царских" скифов были проведены только затем, чтобы обезопасить интересы Афин от посягательств со стороны беглых "саммеотов", оставленных спокойно жить в Феодосии благодаря преступному попустительству (как это расценить иначе?) Перикла. Но, возможно, беглецы были настолько сильны, что даже сам Перикл боялся их преследовать? Ведь только "грозной силой саммеотов" (3, с. 41, прим. 2) можно объяснить предполагаемый В.А. Анохиным захват ими Нимфея после 405 г. (спустя порядка четырех десятков лет после падения Самоса - 3, с. 41-42). Для этого потомкам (!) выходцев из Самоса как-то удалось "нейтрализовать" – "царских" скифов³⁹ и "смять" оборону эпойков. При этом "саммеоты" либо проигнорировали, либо даже смогли оказать давление (политическое или военное) на таких союзников Афин, как Спартокиды, резиденция которых в Пантикапее находилась всего лишь в 17 км от Нимфея. Каким же образом, спустя десять лет, одним лишь Спартокидам (без Перикла и Гилона) удалось отобрать Нимфей у столь "грозных саммеотов"?⁴⁰ Если Спартокидам помогли скифы, то опять же не ясно: почему этой помощи Спартокидам пришлось ждать десять лет, отведённых В.А. Анохиным на выпуск серии Н1?

В случае принятия предположения В.А. Анохина полностью повисает в воздухе объяснение о передаче Спартокидами Гилону Кеп. Ученый не видит "причинной связи между «сдачей» Нимфея и получением от тиранов в награду Кеп... «на кормление»", выдвигая эту посылку в качестве конструктивной идеи в противовес смысловому контексту источника (3, с. 42). В.А. Анохин предполагает: "возможно, между Сатиром и Афинами существовало соглашение о взаимной выдаче лиц, заподозренных в государственной измене, что... делало бы маловероятным бегство Гилона на Боспор в случае действительного предательства им интересов Афин" (3, с. 48). Однако при этом исследователь признает какую-то вину Гилона перед Афинами, за которую "его начали преследовать" в этом городе (3, с. 42). В любом случае такое признание в рамках событийной конструкции учёного ставит под вопрос лояльность Сатира I по отношению к Афинам, а значит и саму достоверность предположения В.А. Анохина о тесном союзе между первыми Спартокидами и Афинами. Отрицать же достаточно серьёзную (хотя и формальную) вину Гилона перед Афинами невозможно. Это значило бы войти в резкое противоречие со всем смыслом сообщения Эхина, согласно которому *de jure* Гилон оставался предателем, находящимся под судом, но никак не "представителем Афинского народа" – по терминологии В.А. Анохина (3, с. 42).

История с Гилоном является едва ли не единственным письменным свидетельством о политических взаимоотношениях Афин и Боспора в конце V в. Из него ясно следует наличие на Боспоре силы, претендующей на перехват афинской власти в Нимфее. На Боспоре было только две силы ("Боспор" и скифы), засвидетельствованные историческими либо археологическими источниками и могущими сыграть роль такой соперничающей с Афинами - "вражеской" (по Эсхину) стороны. Поскольку Гилон мог рассчитывать на благодарность именно тех "врагов", которым он "предал" Нимфей, постольку логично считать, что этими "врагами" были одарившие Гилона Кепами "тираны" Боспора, то есть Спартокиды. Дружественные отношения Спартокидов и Афин, прослеживаемые по источникам с первой половины IV в., не означают автоматически наличие таких же отношений в первые десятилетия прихода Спартокидов к власти. "Измена" Гилона

предоставляет весомое свидетельство о борьбе за сферу влияния на Боспоре между "Боспором" и Афинами. Поэтому не может быть признано верным утверждение В.А. Анохина, будто Эсхин не мог (следуя исторической правде) назвать Спартокидов "врагами", каковыми они в Афинах не могли считаться никогда!" (3, с. 41)

Таким образом, реконструкция В.А. Анохина отнюдь не "снимает многие, если не все, вопросы, служившие предметом разногласий среди ученых" (3, с.42). Следовательно, нельзя согласиться и с версией исследователя о "саммеотах", лежащей в основе этой реконструкции.

Что же касается историчности в предположении И.Е. Сурикова "об ином названии... Нимфея до утверждения в нём афинян в 437-436 гг.", то в качестве единственного намёка исследователь указывает на "ряд аналогичных прецедентов в понтийском регионе" (53, с. 7). Однако эти специфические переименования не имеют характера закона или правила при вступлении городов в Архе и потому могут фигурировать только на общих основаниях со всем разнообразием других случаев смены городских названий. Для Нимфея же нет никаких причин, кроме самих выпусков с ΣΑΜΜΑ, предполагать какой-либо из таких случаев. Поэтому нагрузку "иного названия" можно попытаться возложить на рассматриваемые монеты только тогда, когда будут исчерпаны все возможности для взаимосвязанного согласования интерпретации этих эмиссий с другими имеющимися в наличии фактами из истории города.

Несколько замечаний И.Е. Суриков сделал и по "делу Гилона". Учёный предположил, что "Гилон был афинским стратегом, отправленным в конце Пелопонесской войны с эскадрой для удержания Нимфея, но не справившимся с этой задачей и, как следствие, обвинённым в измене и бежавшим или изгнанным". Немногим позднее Гилон попал под амнистию, и, согласно свидетельству Демосфена (28, 1-3) остался (или стал) денежным должником. Этой версией "о халатности", снимающей с Гилона обвинение в "умышленной измене" исследователь попытался "согласовать данные Эсхина и Демосфена, не подрывая сверх меры доверия ни к тому, ни к другому" (52, с. 108).

Однако при этом остаются не проясненными два момента. Во-первых, "для удержания Нимфея" от кого (или чего) Гилон был "отправлен с эскадрой в конце Пелопонесской войны", когда Афины сами и непосредственно нуждались в военной защите? Если "врагами" Афин, использовавшими халатность Гилона были Спартокиды, то, судя по контексту исследования И.Е. Сурикова, автор таковыми правителей "Боспора" не считает. Но и других "врагов" специалист никак не обозначил. Во-вторых, если "врагами" все же были "тираны Боспора", а "измена" Гилона была "не умышленной" (читай "не заслуженной"), то чем же "стратег" сумел заслужить получение целого города от Спартокидов? Впрочем, даже если Спартокидам пришлось отбирать Нимфей уже у неких "врагов", воспользовавшихся халатностью Гилона, то вряд ли халатные стратеги могли рассчитывать на богатые подарки правителей "Боспора". Таким образом, версия И.Е. Сурикова требует, в лучшем случае, серьезной доработки.

Свою трактовку подчинения Нимфея Спартокидам и "дела Гилона" предлагает Е.А. Молев. Исследователь считает Гилона начальником военизированной клерухии (общности владельцев земельных участков) афинян в Нимфее - фрурархом, полагая, что "постановка гарнизонов в Афинской архе было редким явлением и гораздо чаще роль гарнизонов выполняли клерухии" (41, с. 64; 42, с. 55).

С этим мнением трудно согласиться потому, что: "названия местностей, куда выводились клерухии, и характер поселений позволяют предполагать, что эти города были политическими противниками Афин" (43, с. 11; 31, с. 353). Нимфей же не мог быть в числе последних, поскольку сам Е.А. Молев справедливо предполагает заинтересованность Нимфея в членстве в Афинском морском союзе, инициативу и добровольность полиса при вступлении в союз (41, с. 57-58).

В 405 г., после поражения афинян при Эгоспотамах и начала осады Афин, наварх Пелопонесского союза спартанец Лисандр начал "направлять афинских клерухов из захваченных им городов в осажденные Афины, обрекая их, тем самым, на голодную смерть" (41, с. 64). По мнению Е.А. Молева, Гилона настолько напугали действия Лисандра, что означенный фрурарх, "опасаясь появления спартанского флота в Понте" (то есть экспедиции на Боспор с целью захвата городов - членов Афинского союза), "начал переговоры с Сатиром и на условиях сохранения за афинянами их прежнего положения в Нимфее (или предоставления им возможности получения соответствующих прав в других городах Боспора), по крайней мере, до конца войны сдал город царю Боспора" (41, с. 64).

Надо полагать, после заключения указанного договора Гилон обеспечил себе право не ехать в осажденные Афины, а дожидаться тирании тридцати, чтобы правительство последних "отчета у него не потребовало бы" (41, с. 64).

Но почему Гилону вообще надо было чего-то опасаться, при наличии в его активе указанного Е.А. Молевым договора, обеспечивающего интересы Афин? Если в юрисдикцию Гилона входило право на подобные соглашения (что весьма сомнительно), то носителем договорных прав после заключения сделки становились бы Спартокиды и Афины. Причем, обе стороны, хоть и в разной степени, но были бы заинтересованы в заключенном контракте, а Гилон выступал бы в роли "простого инструмента", одинаково безразличного для выражения знаков особого внимания, как со стороны Афин, так и со стороны Спартокидов. Однако сообщение Эсхина свидетельствует именно об особых и прямо противоположных знаках внимания, которые проявили к Гилону обе юридические стороны. Если же Гилон не располагал полномочиями для заключения упомянутого гипотетического договора, то он просто сдал город. Поэтому "фрурарх" не мог вернуться в Афины даже при амнистии, объявленной при архонте Эвклиде. Ведь, кроме предательства, его действия могли бы расцениваться как позорная трусость, что создало бы вокруг него атмосферу всеобщего презрения и обязательно нашло бы отражение в речи Эсхина. Возможно, последний момент и подвигнул Е.А. Молева придумать договор о якобы временной передаче "до конца войны" Нимфея под юрисдикцию Спартокидов⁴¹.

Итак, добровольно отказавшись от дохода со своего надела в клере, либо передав (следуя версии Е.А. Молева) по договору "до конца войны" Спартокидам этот источник существования (43, с. 11), Гилон возвращается в разоренные войной Афины. Там он воочию убеждается в том, о чем несложно было догадаться либо узнать ещё на Боспоре при получении вестей с Родины: его второе хозяйство (пожалованное ему в Афинах Е.А. Молевым), "разорено за годы войны" (41, с. 65).

В Афинах Гилона привлекают к суду, но не по обвинению в государственной измене (как сообщает Эсхин), а за долги "или по каким-либо другим причинам личного характера" (как поправляет Эсхина Е.А. Молев - 41, с. 65). Однако смертный приговор Гилону за "причины личного характера" Эсхин был вынужден как-то объяснить⁴² и для оправдания его суровости приписал фрурарху (судя по контексту построений Е.А. Молева) государственную измену.

Е.А. Молев утверждает, что "до поражения при Эгоспотамах у Гилона не было причин для измены Родине, поскольку о его предварительной предательской деятельности даже Эсхин ничего не упоминает" (41, с. 65). Из приведенной цитаты невозможно понять, что конкретно понимает исследователь под "предварительной предательской деятельностью" Гилона, и почему (имей она место в биографии фрураха) Эсхин обязан быть о ней осведомлен (всякая предательская деятельность в её "предварительной" фазе может иметь только секретный характер). Зато из этой же цитаты ясно, что Е.А. Молев готов искать для Гилона "причины для измены" (не понятно, о какой вообще "измене" говорит Е.А. Молев после якобы заключенного Гилоном упомянутого договора?) при наличии определенных обстоятельств. Чем же такие обстоятельства в лице далекого Лисандра,

блокирующего Афины (у которого, вероятно, даже и в мыслях не было отправляться на Боспор), перевешивают реальное давление соседствующих (археологически достоверных) с Нимфеем скифов? Тем более, что притязания верхушки варваров красноречиво засвидетельствованы монетами с именем Саммака? Однако Е.А. Молев скифскую принадлежность этих монет без приведения своих каких-либо соответствующих доводов считает "недостаточно обоснованной" (41, с. 73, прим. 62).

Приведенных натяжек, которыми Е.А. Молев снабжает "дело Гилона", хватает для того, что бы заметить: исследователь весьма вольно трактует сведения нарративных и нумизматических источников, если последние противоречат его концепции.

Мы же констатируем, что в круг отечественных памятников античной нумизматики Северного Причерноморья вводится оригинальная группа монет, чеканенная в первой половине последнего десятилетия V в. в греческом городе Нимфее на Боспоре от имени скифского правителя Саммака.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Таманский клад серебряных монет VI-IV в. до н.э. // ВДИ. № 3. 1999.
2. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. - Киев: "Наукова думка", 1986.
3. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. - Киев: "Одигитрия", 1999.
4. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V-IV вв. до н.э. - М., 1959.
5. Блаватский В.Д. Архаический Боспор. // МИА. 33, 1954.
6. Бертье-Делагард А.Л. Поправки общего каталога монет П.О. Бурачкова. - М., 1907.
7. Бертье-Делагард А.Л. НС МНО. Т.I. М., 1911.
8. Брашинский И.Б. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н.э. // ВДИ. № 2. М., 1955.
9. Брашинский И.Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. № 3. М., 1958.
10. Бурачков П.О. Общий каталог монет принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч.I. - Одесса, 1884.
11. Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
12. Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. № 3. М., 1995.
13. Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // С.А. 1991. №1., с. 151.
14. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. - М.; Л.: АН СССР, 1949.
15. Голенко К.В. Монеты из раскопок Нимфея 1939-1970 гг. // НЭ. Т. XI. М., 1974.
16. Грач Н.Л. К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо (1981. Тбилиси.), 1979.
17. Грач Н.Л. Нимфей в конце VI-I вв. до н.э. // ПЭЭ. Тбилиси, 1986.
18. Гриневич К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. № 2. М., 1946.
19. Десятчиков Ю.М. К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. №182.
20. Добролюбский А.О., Столярик Е.С. Первые всесоюзные чтения памяти профессора П.О. Карышковского // ВДИ. № 4. М., 1989.
21. Жебелев С.А. Афины, Нимфей и измена Гилона. Боспорские этюды. ИГАИМК. 104. 1934.
22. Жебелев С.А. Афины, Нимфей и измена Гилона. (Боспорские этюды II) // Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. - М.; Л., 1953.
23. Зинько В.Н. Хора Нимфея в VI-IV вв. до н.э. // ДБ. 1. М., 1998.
24. Зинько Е.А. Сакральная скульптура из сельской округи Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. - СПб, 1999.
25. Зинько В.Н. Нимфей и варвары // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и

варварского миров. Сборник научных материалов 1 Боспорских чтений. Керчь, 4-8 сентября 2000 г. - Керчь, 2000.

26. Зограф А.Н.. Античные монеты // МИА. № 16. 1951.
27. Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику. - М., 1969.
28. Каллистов Д.П. Измена Гилона // ВДИ. № 1. М., 1950.
29. Карышковский П.О.. Ольвия и Афинский союз // МАСП. Вып. 3. 1960.
30. Карышковский П.О. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-западного Причерноморья. - Киев: "Наукова думка", 1984.
31. Кондратюк М.В. Архе и афинская демократия // Античная Греция. Т.1. - М: "Наука", 1983.
32. Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в 7-6 вв. до н.э. - Тбилиси, 1990.
33. Кошеленко Г.А., Усачева О.Н. Гілон і Кепи // Археологія. № 2. 1992.
34. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. - М, 1975.
35. Мельников О.Н. Монетная чеканка храма Аполлона в Пантикапее // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора П.О. Карышковского). Тез. докл. конф. 9-11 марта 1989 г. - Одесса, 1989.
36. Мельников О.Н. К статистике находок ольвийских "дельфинов" на Боспоре // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тезисы докладов юбилейной конференции. Часть третья. Октябрь 1990 года. - Херсон, 1990.
37. Мельников О.Н. Нимфей и монеты с надписью "ΣΑΜΜΑ" // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов. - Мелитополь, 1992.
38. Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. Вып. VII. Симферополь, 2000.
39. Мельников О. Монеты античной Феодосии // Нумізматика і Фалеристика // №4. 2000.
40. Мирошина Т.В. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. № 174. - М.: "Наука", 1983.
41. Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI-IV вв. до н.э.: Учебное пособие. - Нижний Новгород: ННГУ, 1997.
42. Молев Е.А. Нимфей и Боспор при Сатире I // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы, и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья // Международная научная конференция, посвящённая 60-летию нимфейской экспедиции и 70-летию Н.Л. Грач. Тезисы докладов. - СПб, Изд. Гос. Эрмитажа. 1999.
43. Паршиков А.Е. О статусе афинских колоний в V в. до н.э. // ВДИ. № 2. М., 1969.
44. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифских племен. - М.: "Наука", 1977.
45. Розов В.Н. Боспорские монеты VI-V вв. до н.э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975-1980 гг.) // СА. № 2. 1983.
46. Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. №69. 1959.
47. Сmealова Т.Н., Дюков Ю.Л. О смене источников серебра для монетной чеканки Боспора VI-V вв. до н.э. // ДБ. 2. М., 1999.
48. Столба В.Ф. Монеты Нимфея в системе боспорской чеканки второй пол. V в. до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. (Ленинград, 14-17 марта 1989 года). - Новочеркасск, 1989.
49. Столба В.Ф. Второй эльтигенский клад боспорского автономного серебра второй половины V в. до н.э. (IGCH 1004) // Шестая всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург 20-25 апреля 1998 г. Тезисы докладов и сообщений. - СПб., 1998.
50. Стрелков. А.В. Афинский монетный декрет // НЭ. Т. XIV. М., 1999.
51. Сударев Н.А. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. 2. 1999.
52. Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. №2. М., 1999.
53. Суриков И.Е. По поводу древнегреческих монет с легендой ΣΑΜΜΑ // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. 17-21 апреля 2000г. - М., 2000.
54. Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства. (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI - первой половины V в. до н.э.) // ВДИ.

№ 3. М., 1984.

55. Терещенко А.Е. Ещё раз о монетах с надписью АПОΛ // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. - СПб., 1998.
56. Федосеев Н.Ф. Переправа через Боспор киммерийский // ВДИ. №4. 1997.
57. Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Т. III. 1999.
58. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI-V в. до н.э. // РА. № 2. М., 1996.
59. Худяк М.М. Из истории Нимфея VI-III вв. до н.э. - Л., 1962.
60. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. - М.: АН СССР, 1956.
61. Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: "Наука", 1985.
62. Anochin Vladlen A. Die Pontische Expedition des Pericles und der Kimmerische Bosphoros (4Фр96 v. Chr.) // Stephanos nomismatikos: Edith Schonert-Geiss zum 65. Geburtstag / hrsg. von Ulrike Peter. - Berlin: Akad. Verl, 1998.
63. Babelon E. Traite des monnaies grecques et romaines. - Paris, 1932.
64. Barron J.P. The Silver coins of Samos. - London, 1966.
65. Brüder Egger. Auctijns-Catalog. XXXIX. - Wien, 1912.
66. Brüder Egger. Auctijns-Catalog. XLVI. - Wien, 1914.
67. Head B.V. Historia numorum. - Oxford, 1911.
68. Price M. 1993. Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1. The Black Sea. London, (Reprint 1996).
69. Pool R.S. British Museum Catalogue. Catalogue of Greek Coins. The Tauric Chersonese. Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace. - London. 1877.
70. Jameson R. Collection R. Jameson. Monnaies grecques. Tome I. Paris, 1913.
71. Sallet. A.v. Die Erwerbungen des Koniglichen Munzcabinets vom 1. April 1886 bis 1. April 1887, ZfN 15. 1887.
72. Stolba Wladimir. ΣΑΜΜΑΣ. Zur Prägung eines bosporanischen Tyrannen // Stephanos nomismatikos: Edith Schonert-Geiss zum 65. Geburtstag / hrsg. von Ulrike Peter. - Berlin: Akad. Verl, 1998.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. прилагаемый каталог.

² Автор выражает признательность С.Р. Тохтасьеву за помощь, оказанную в уточнении этого вопроса.

³ Версии В.А. Анохина и В.Ф. Столбы, исходящие из предположения о греческих корнях в надписи ΣΑΜΜΑ, см. ниже.

⁴ Здесь и далее в тексте даты античной истории указаны до н.э.

⁵ Другим типом кекрифала (или сфендоны?) - с расширяющейся надоб лбом подвязкой, снабжены женские головы на автономных монетах Нимфея (№№ 4-6) и на первых монетах Херсонеса.

⁶ Гемиибол был отнесен к Пантикапею П.О. Бурачковым по причине неверно прочитанной надписи - ΠΑΝ вместо ΣΑΜ (10, с. 162, XXII, № 171; 6, с. 23, № 171).

⁷ В тексте слово Боспор без кавычек означает понятие географическое; "Боспор" в кавычках означает территориально-государственное объединение городов со столицей в Пантикапее.

⁸ Монета № 9/1 (седьмая по счету этого же типа) найдена в 2000 г.

⁹ По любезно сообщенной автору информации В.Ф. Столбы, упоминание о находке в Нимфее аналогичной монетки хранится в архивных записях Е.Е. Люценко.

¹⁰ Подробнее об этом - в подготовленной к печати статье автора: "Синдский протекторат и монеты Фанагории V-IV вв. до н.э."

¹¹ Пользуясь случаем, даем не указанный в наших ранних тезисах (35) примерный (неполный) список энэпиграфных типов аполлонийских монет (см. замечание по этому поводу Н.А. Фроловой - 58, с. 51). К сожалению, отсутствие такого списка вызвало тщетные попытки определения ему подобного. Так, А.Е. Терещенко попытался монеты с перекрестием и двумя точками (вслед за некоторыми специалистами - 69, р. 87, № 5; 2, табл. 2, 14, 17; 3, с. 17, рис. 2, 7), а так же и монеты с двумя звездами (2, табл. 1, 19-21), приписать к храмовой аполлонийской чеканке. Исследователь исходит из численного превосходства указанных монет, как вероятных, по его мнению, союзных выпусков храма по сравнению с синхронными им эмиссиям с четырьмя точками (2, табл. 1, 12, 13) и одной четырехлучевой звездой (2, табл. 1, 23-25), как предполагаемого одного центра - Пантикапея

(55, с. 23). Здесь, в принципе верное понимание количественного соотношения аполлонийской и пантикапейской чеканки оказалось несостоятельным ввиду того, что специалист не принял во внимание указание о возобновлении храмовых выпусков, после их прекращения в конце VI в. (35, с. 37). При учёте этого перерыва в аполлонийских эмиссиях видно, что монеты с четырьмя точками выпускались только в самом начале чеканки монет с двумя точками, а к последним, к тому же, перешла функция храмовых выпусков (35, с. 37). Соответственно, вторая серия монет с четырёхлучевой звездой (2, табл. 1,23) начала выпускаться в конце эмиссии монет с двумя звёздами. Поэтому в этих двух случаях аполлонийские выпуски не могли составить численный перевес пантикапейским. Первая же серия монет с диагональной четырёхлучевой звездой и четырьмя точками (генетически связанными с диагональным перекрестием первой аполлонийской серии и с четырьмя точками аполлонийской серии, предшествующей перерыву в выпусках храма) в своей весовой категории (гемиоболы и тартемории) составляет двукратное превосходство над подобными синхронными монетами Пантикапея (ср.: 2, табл. 1,21,[22],24,25, с. 137).

¹² Аналогичные выпуски изготавливались, вероятно, и для Гермоначсы (3, с. 17, 21, рис. 1,6, 2,5).

¹³ Монета входила в состав маленького (из 9 шт. с общим весом 20,5 г.) клада, 7 единиц которого представляли собой средние номиналы монет Пантикапея рубежа VI-V вв., а ещё один экземпляр был аналогичен публикуемому.

¹⁴ Вывод Н.А. Фроловой о чеканке аполлонийских монет на монетном дворе Пантикапея (58, с. 50) несостоятелен. Для обоснования такого вывода не достаточно того, что пантикапейские и аполлонийские монеты биты "очень близкими штемпелями" (58, с. 52), поскольку, отсутствуют монеты, чеканенные **одним и тем же штемпелем** лицевой стороны. См. также прим. 18.

¹⁵ Ю.Г. Виноградов, первый указавший на храмовое происхождение монет с надписью АПОΛ, предполагал их выпуск боспорской симмахией-амфикинией (военным и религиозным союзом) с целью удовлетворения нужд союзного и религиозного характера (54, с. 47, прим. 95). По этой гипотезе симмахия-амфикиния сплотилась вокруг культа Аполлона Врача. Исследование Н.И. Сударева (51, с. 213-231) показывает, что в некоторых из боспорских городов, и в частности - в Нимфее, культ Аполлона Врача не получил широкого распространения. Поэтому представляется необходимым более определённо конкретизировать те формы базиса, которые обеспечили членство в аполлонийском монетном союзе городам немилетского происхождения. Центром этого союза, тем не менее, по-прежнему необходимо считать пантикапейский храм Аполлона. Подробно эта тема, как и весь комплекс вопросов по аполлонийской чеканке, рассмотрены автором в подготовленной к печати статье "Аполлонийский монетный союз Боспора".

¹⁶ В.П. Толстикова, на основании современных норм на производство земляных работ без применения механических средств, высчитал, что для чистки заплывшего со времен киммерийцев рва "отряду землекопов численностью, к примеру, в 2000 человек должно было потребоваться не менее 225 рабочих дней...", а на обновление вала — "еще столько же рабочих и такое же количество времени". После этого, исследователь делает арифметическую ошибку, поскольку плюсует время одновременно со сложением строителей: "Следовательно, ... необходимо было затратить труд 4000 строителей и землекопов в течение 450 рабочих дней" (54, с. 36-37). Однако это ошибочное двукратное увеличение строителей (либо времени) должно компенсироваться примитивным шанцевым инструментом, на который не рассчитаны современные строительные нормы. На сооружение вала В.П. Толстикова выделял жесткий лимит времени - не более двух лет - и, как следствие этого и недостатка сил у городов "Боспора", - непрямое участие в строительных и охранных работах синдвов, заинтересованных в предотвращении скифских вторжений в Синдику (54, с. 37-39). Последние пункты послужили поводом для А.Н. Васильева (11, с. 117-118) оспорить правомерность главной идеи В.П. Толстикова: связать восстановление вала с оборонительными мероприятиями боспорских городов для отражения скифской агрессии первой четверти V в.

Между тем, рассматриваемая гипотеза В.П. Толстикова может прекрасно обойтись и без двухгодичного лимита времени и без синдвов. Действительно, судя по дошедшим до нас и сохранившимся за двадцать пять веков остаткам Тиритакского вала — этого внушительного сооружения — их сохранность через сто пятьдесят-двести лет от эпохи киммерийцев могла составить существенно больше 50% первоначального состояния, допущенных В.П. Толстикова. Для охраны 4500 рабочих В.П. Толстикова считает необходимым привлечь 2-3 тысячи воинов (54, с. 36-37). Однако в привлечении чисто воинских контингентов не было обязательной необходимости, так как вооруженные колонисты могли и сами постоять за себя. Впрочем, это не исключает использование пары-другой сотен варваров в качестве конных воинов-наемников - летучих отрядов "быстрого реагирования", которыми мог быть любой варварский контингент (в том числе синдвы или, даже, скифы), что не принципиально. Если не было возможности реконструировать вал в течение, скажем, двух-трех месяцев, то более длительный срок в два, или, например, четыре года (11, с. 117-118), опять-таки, уже не является принципиальным. Поэтому нам не представляется большой натяжкой, если при опоре на инженерные расчеты В.П. Толстикова мы допустим

реконструкцию Тиритакского вала силами только греческой "боспорской" симмахии в количестве около 1500-2000 строителей-воинов и за время до пяти лет.

¹⁷ Любопытно проследить, как реагируют на факт существования в рассматриваемое время Тиритакского оборонительного рубежа те ученые, которые отрицают наличие серьезной скифской угрозы, висящей над греческими городами Боспора.

А.Н. Васильев прежде всего указывает на отсутствие твердо установленных датировок сооружения Тиритакского вала. Но, поскольку одного этого не достаточно для опровержения гипотезы В.П. Толстикова, исследователь ищет слабые стороны этой гипотезы и справедливо на них указывает. Об этих моментах: обязательном участии синдов и двухгодичном лимите времени мы уже упоминали. В последнем пункте А.Н. Васильев отрицает необходимость "начать срочное строительство вала", полагая, что "вал мог сооружаться в течение длительного периода времени". Однако, это возражение только усиливает акцент внешней угрозы, переводя ее из случайного, сиюминутного временного фактора в область стабильно складывающихся отношений с постоянными и длительными характеристиками. Тем не менее, этот ставший постоянным (а значит и – более весомым) фактор внешнего давления А.Н. Васильев пытается обезличить, когда, ссылаясь на мнение В.Ф. Гайдукевича, говорит, что "вал предназначался для защиты густонаселенной области Пантикапея" (11, с. 117-118).

Для защиты от кого? Об этом исследователь читателя в известности не ставит. А.Н. Васильева устраивает только нераскрытая формулировка - просто "для защиты".

Е.А. Молев, говоря о Тиритакском оборонительном рубеже, соглашается с реставрацией последнего в V в. при Археанктидах (480-438 гг.), признавая, что "воссоздание этой оборонительной линии стало одной из задач боспорского правительства". Но при этом Е.А. Молев сообщает: "Союзнические отношения боспорян со скифами позволяли решить проблему расширения хоры в этом направлении положительно. Тем более, что оседлого скифского населения там не было. Но обеспечить ее охрану боспорские правители должны были сами" (41, с. 40). Таким образом, скифы у Е.А. Молева в рассматриваемое время фигурируют в качестве постоянных и стабильных союзников "Боспора", разве что только не согласившихся нести охрану "боспорской" хоры, предоставив это дело самим "боспорцам".

На момент публикации данной статьи автору стали известны результаты археологических исследований А.А. Масленникова, который не обнаружил на Тиритакском валу следов строительных работ V в. (Масленников А.А. Тиритакский вал. Мифы и реалии // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001, с.87-88). Однако незначительные масштабы проведенных раскопок и их далеко не однозначные результаты не могут гарантировать всеобъемлющее решение вопроса о времени строительства и использования этого укрепления.

¹⁸ В противоположность всем остальным вариантам монет с двумя буквами ПА этот тип выпущен не пантикапейским, а аполлонийским монетным двором. При отсутствии развернутой надписи главным отличием пантикапейских монет в V в. от аполлонийских является не наличие на них либо головы льва, либо его скальпа (как полагают, или чему придают решающее значение некоторые исследователи), а отсутствие свастического рисунка на реверсе храмовых выпусков (см. последнюю безуспешную попытку решить эту проблему Н.А. Фроловой - 58, с. 50).

¹⁹ Монета, показанная в каталоге В.А. Анохина под № 27/2 (2, табл. 1, 27/2) найдена в Нимфее.

²⁰ А не с 20-х гг. V в., как считает В.Ф. Столба (48, с. 48).

²¹ Постановку в Нимфее афинского военного гарнизона предполагает Ф.В. Шелов-Коведяев (61, с. 114), в чем его ранее поддержал и автор настоящей статьи (37, с. 61). Сейчас же более правильным представляется мнение В.А. Анохина, видящего здесь эпохов. (3, с. 32, прим 2). Однако при принятии гипотезы о прямом посещении Боспора эскадрой Перикла (52, с. 98-113) вероятнее предполагать на первых порах постановку в Нимфее гарнизона, который был замещён эпохами только после окончания Понтийской экспедиции. Пребывание гарнизона не могло быть долгим, так как в нимфейском денежном обращении афинские монеты фиксируются единично.

²² Таким образом, смена династий на "Боспоре" в 438/7 г. характеризуется существенными переменами в местном монетном деле. Помимо прекращения чеканки аполлонийских монет резко меняется типология монет Пантикапея: голова льва - на голову Аполлона; муравей - на птицу - ворона (зооморфную ипостась Аполлона, связанную с темой полиса) восьмилучевая звезда - на подражание одновременно перекрестию и четырёхлучевой звезде (присущую аполлонийской типологической традиции); пятибуквенная надпись ПАНТИ - на четырёхбуквенный вариант ПАНТ (подобный аполлонийскому АПОА). Эти резкие изменения до сих пор ускользали от внимания нумизматов, что способствовало сложению в литературе устойчивого мнения, будто приход к власти Спартокидов практически не отразился на монетном деле Боспора и типологии монет Пантикапея. Однако, как мы видим, 438/7 г. может служить надёжной вехой для хронологической реконструкции монетного дела Боспора второй половины V в. Подробно вопросы хронологии раннего Боспора, в том числе и V в., автор рассмотрел в подготовленной к печати статье

"Аполлонийский монетный союз Боспора".

²³ От событий 438/7 г. эти выпуски должны быть отделены некоторым промежутком времени, вероятно - годом-двумя, необходимыми органам управления второстепенных боспорских полисов для анализа сложившейся обстановки, принятия соответствующих политических или экономических решений (выхода из монетного союза) и практической организации монетного производства.

²⁴ А.Н. Зограф датировал автономные выпуски Нимфея второй половиной V в. (26, с. 163), а Д.Б. Шелов - последней четвертью V в. (60, с. 33)

²⁵ А не подчинение Нимфея "афинскому господству" в виде вхождения полиса в Афинский морской союз, - как полагает В.Ф. Столба (48, с. 48).

²⁶ В новой своей интерпретации В. А. Анохин датирует серию Н1 временем "не ранее 405 г., когда Афины уже не могли оказать помощь своему боспорскому владению" (3, с. 42).

²⁷ Находки афинских монет на Боспоре крайне редки (ср.: 47, с. 208). Возможно, на данный момент это единственная афинская монета второй половины V в., происходящая с территории Боспора. Тем более символично, что она найдена на месте Нимфея и датируется временем вхождения города в Первый Афинский морской союз. С Пантикалея и Фанагории происходит по единичной известной автору находке более поздних тетрадрахм "нового стиля". Монета, близкая нашей, но более раннего выпуска (до 479 г.) значится в списке так называемого "Таманского клада серебряных монет VI-IV в. до н.э." (1, с. 45-46, табл. IV, 53). Кстати, что касается самого "клада", то об обстоятельствах его находки известно только то, что он происходит из поселка Пересыль, рядом с которым на берегу Азовского моря локализуется Тирамба. Состав этого, не публикуемого в течение полувека (с 1948 г.!), "клада" заставляет нас высказать сомнения по поводу атрибуции данного монетного комплекса именно как клада. Удивление, переходящее в недоверие, вызывает хронологический расклад этой группы монет, якобы тезаврированных в конце первой четверти IV в. (согласно подготовленной к публикации авторской хронологии монет Боспора VI -III вв., в т.ч. и позднейших "кладовых" монет с сатиром - 2, табл. 3, 106). Из 54 монет этого комплекса одна монета не определена, 13 монет датируются второй половиной - концом VI в., 28 - первой четвертью V в., 5 - серединой V в., 3 - последней третью V в., и только 4 монеты относятся ко времени создания "клада" в IV в.(!) Получается, что более 77 % "клада" составляют монеты, выпущенные за 100-150 лет до времени их сокрытия. При этом большинство этих монет, не имеют следов потертости и износа. Здесь же имеются и две "бобовидной формы" капельки свинца, никакой ценности не имеющих, несмотря на мнение издателей комплекса об "известной их ценности для лица, спрятавшего данный клад" (1, с. 46, 51, №№ 55,56).

Учет этого и ознакомление с несколькими подобными коллекциями аналогичных монет (в нескольких случаях значительно превышающих по количеству экземпляров упомянутый "клад"), собранными жителями Таманского и Керченского п-овов (в середине 1980-х гг. автор оказался участником случая, когда после сильного шторма было собрано на морском берегу за несколько часов более 30-ти экземпляров серебряных монет Боспора VI-IV вв.), заставляют прийти к однозначному выводу о том, что так называемый "Таманский клад серебряных монет VI-IV в. до н.э." представляет собой случайный сбор разрозненных и разновременных монет, вымываемых морем из ранних слоев античного городища, отождествляемого с Тирамбой. Поэтому упомянутый "клад" не может рассматриваться как "уникальный" закрытый комплекс, а только, - как обычная и достаточно рядовая выборка "подъемного материала" (см. так же подобные недавние находки - 45, с. 109-116).

²⁸ Из всех реконструкций по "делу Гилона", созданных учёными, догадка В.А. Анохина о том, что Гилон "сдал город, фактически не принадлежавший Афинам", наиболее приближалась к истине.

²⁹ Впоследствии в Афинах, очевидно, учли все обстоятельства "предательства", смягчающие вину Гилона. В результате чего Гилон перешёл из статуса "предателя" в разряд "государственных должников" (Dem. 28, 2-3).

³⁰ Большинство исследователей полагает, что сдача Нимфея Спартокидам произошла между 413 и 405 гг., или ближе к 405 г., но не позднее его (4, с. 70-71; 61, с. 112-113; 33, с. 51).

³¹ Отметим, что среди нимфейских монетных находок не зафиксированы монеты Фанагории с автономной надписью (ФА, ФАНА), датируемые концом V - первой четвертью IV вв. На фоне обычных находок фанагорийско-синдского серебра отсутствие более поздних выпусков Фанагории не может быть случайностью. Это нужно расценивать как факт резкой переориентации внутрибоспорских связей Нимфея после вхождения полиса в состав "Боспора". В этом же можно видеть свидетельство для хронологического разделения фанагорийско-синдских серий серединой последнего десятилетия V в. от автономных выпусков Фанагории.

³² В специальной литературе существуют несколько различных мнений об этническом происхождении пришедших к власти в "Боспоре" Спартокидов (19, с. 15).

³³ В случае с предположением В.Ф. Столбы И.Е. Суриков говорит: "ΣΑΜΜΑ, если и может быть

генитивом, то только дорийским, в то время как и Нимфей, и Самос пользовались ионийским диалектом". В отношении версии В.А. Анохина: "постулируемая сложная лексема ΣΑΜΜΑΙΩΤΑΙ без соединительной гласной выглядит крайне проблематично с точки зрения правил греческого словообразования" и, "если бы она и существовала, то означала бы никак не "меотийские самосцы", а скорее уж "самосские меоты", что не дает удовлетворительного смысла" (53, с. 7). Тем самым под серьёзное сомнение ставится наличие греческой языковой основы в надписи ΣΑΜΜΑ, что согласуется с аналогичным мнением С.Р. Тохтасьева (37, с. 60).

³⁴ В своей новой версии В.А. Анохин неоправданно омолаживает выпуск серии Н1, относя ее к 405-395 гг. (против чего специально предостерегал Д.Б. Шелов (60, с. 33-34): в это время в Пантикапее и Фанагории уже отказались от помещения изображения оборотной стороны во вдавленном квадрате). Исключением являются ставшие недавно известными и ещё не опубликованные типы (тригемииоболов ?) третьей феодосийской серии монет, отличающиеся от старшего номинала (38, с. 215, ФеЗ, 4) разворотом головы Афины вправо, и изготовленные в 80-х гг. IV в. Вероятно, вдавненный квадрат, как архаизирующий признак проявился в феодосийской чеканке в пику переменам, произошедшим на пантикапейском монетном дворе.

³⁵ Можно предпологать, что эмиссии нимфейского монетного двора не были ежегодными. Монетный декрет Клеарха мог быть принят в момент, когда упомянутый двор, осуществивший до этого интенсивный выпуск серии Н1, уже несколько лет бездействовал в ожидании очередного заказа.

³⁶ В качестве отступления можно даже высказать догадку о точной дате и причине образования нимфейского клада 1908 г. Клад был спрятан в 405 г. кем-то из числа врагов Спартокидов в момент захвата Нимфея этими династиями. Открытые противники Спартокидов были вынуждены поспешно оставить город, бросив не только имущество, но и деньги, потеряв, возможно уже за стенами осажденной Феодосии, последнюю надежду вернуть свои ценности.

³⁷ Истории экспедиции Перикла в Понт специально исследованию посвятил И.Б. Брашинский. Ученый допускал, как вполне возможную, какую-то опосредовательную связь между сменой династий на Боспоре и понтийской экспедицией Перикла. Однако при этом исследователь указал на то, что не имеют под собой "решительно никаких оснований" мнения тех специалистов, которые считали смену Археанактидов Спартокидами следствием прямого вмешательства в боспорские дела Перикла и Афин. (9, с. 115-116, 120).

³⁸ Некоторые вопросы, связанные с экспедицией Перикла в Понт, вновь проанализировал И.Е. Суриков. Специалист пришёл к выводу, что "основной целью экспедиции было укрепление афинского контроля над хлебной торговлей с Северным Причерноморьем" (52, с. 111). А одной из причин этого стала смена династий на Боспоре в 438/7 г., спровоцировавшая Перикла "во-первых, разведать, какого рода власть установилась в Пантикапее, насколько она намерена поддерживать дружественные отношения с Афинами; во-вторых, устроить демонстрацию силы перед новым боспорским правителем с целью предостеречь его от потенциальных антиафинских демаршей; в-третьих, заручится по возможности гарантиями стабильности, установив, например, афинский контроль над какими-то пунктами на подступах к Боспору". На основании этого исследователь счёл необходимым поддержать мнение о посещении эскадрой Перикла основных городов Северного берега Понта, вначале - Ольвии. В результате чего Ольвия вошла в состав Архе. "Наконец, афинский флот оказался на Боспоре, где все стоявшие перед ним задачи были успешно выполнены. Перикл заручился гарантиями дружественных отношений со Спартокидами, основал на подступах к Боспору афинские форпосты" (52, с. 113).

Как представляется, изложенные выводы исследователя об основной цели и одной из главных причин экспедиции Перикла заслуживают всяческой поддержки. Здесь расшифровывается именно та некая опосредовательная связь между экспедицией и сменой боспорских династий (смена династий - хлебные поставки - экспедиция Перикла), которую допускал, но не конкретизировал И.Б. Брашинский (9, с. 120). А вот детализированное определение И.Е. Суриковым конкретных задач экспедиции на Боспоре и их выполнение выглядит весьма спорным. Вызывает удивление уверенность специалиста в том, что "все стоявшие перед афинским флотом задачи были успешно выполнены". Ведь источники представляют большую или меньшую уверенность только в том, что с помощью флота Перикл "основал афинские форпосты". А вот в том, что "установление, например, афинского контроля над какими-то пунктами на подступах к Боспору", существовало, как изначально задуманное Периклом при планировании экспедиции, уверенности никакой быть не может. Как отмечает сам И.Е. Суриков: "Анализ внешней политики Перикла приводит к выводу, что *ceteris paribus* лидер афинского полиса придерживался... экспансионистского курса на всех направлениях" (52, с. 99). Почему же, в таком случае, не ожидать от Перикла стремления к чему-то более весомому, чем создание форпостов? Почему бы Периклу, действительно, не "заручиться гарантиями (выделено - О.М.) дружественных отношений со Спартокидами"? Однако о том, что "гарантии" были получены, мы узнаём только со слов И.Е. Сурикова. Исторические источники таких сведений не дают. Исследователь в числе целей Перикла называет "установление выгодных

для Афин отношений с новыми боспорскими династиями". Но при этом, из числа этих целей исключает "вовлечение в Архе черноморских городов или сбор с них фороса" (52, с. 112). Почему? Может быть потому, что такая цель в случае с Пантикапеем (в отличие от Ольвии) не была достигнута? Но ведь в том, что "программа максимум" получения "гарантий" существовала, не заставляет сомневаться "экспансионистский курс Перикла на всех направлениях"!

И.Е. Сурикову в последнем пункте вторят Т.Н. Смекалова и Ю.Л. Дюков: "Вряд ли можно предполагать, что Перикл стремился к политическому подчинению северочерноморских городов и включению их в Афинский морской союз. Для Афин, готовящихся к войне со Спартой..., чрезвычайно важным было обеспечение экономического влияния в боспорских городах, главных поставщиков зерна" (47, с. 208). Судя по этому изречению, можно подумат, будто "политическое подчинение" не совместимо с "обеспечением экономического влияния"!

Не является ли скудость сведений письменных источников о Понтийской экспедиции Перикла следствием и свидетельством того, что одна из главных целей этой экспедиции - вовлечение Пантикапея в Арху так и не была осуществлена? Не является ли "основание форпостов на подступах к Боспору" стремлением "сделать хорошую мину при плохой игре"? Мы отнюдь не хотим принизить "проявление стратегического гения Перикла" (52, с. 110), но и "на старуху бывает проруха".

Скорее всего, Спартокиды вместе с поддерживающими их кругами "Боспора" отвергли гегемонистские афинские притязания. "Демонстрация военно-морской мощи афинян перед жителями этого региона" (52, с. 112) натолкнулась на ответную демонстрацию сухопутной и военно-морской мощи "боспорской" симмахии, закалённой напряжённой жизнью в окружении воинственных варварских племён (в числе которых скифы составляли только часть, хотя и самую значительную). Возможно, так же, что к силам симмахии добавились и какие-то племена или группировки варваров, стоявших за спиной новых династов. Поэтому Периклу оставалось только принять инициативу о союзе от боспорских полисов, не входящих в объединение "Боспор". "Гарантии же дружественных отношений" с Пантикапеем могли сводиться примерно к следующему. Периклу было заявлено о том, что "Боспор" заинтересован в экспорте хлеба в Афины не в меньшей мере, чем Афины в его получении. И до тех пор, пока "Боспору" будет выгодно продавать этот хлеб Афинам, до тех пор Афины и будут его получать. Вот и все гарантии, слегка "подслащённые" "форпостами". Но так как всё это, в принципе, могло сойти за выполнение "программы минимум", то Периклу пришлось этим и довольствоваться, после чего более или менее спокойно возвратиться в Афины.

³⁹ По мнению В.А. Анохина "царские" скифы (обозначаемые учёным как "нимфейские") продолжали оставаться на Боспоре. Спустя недолгое время после подчинения Нимфея Спартокидам "нимфейские" скифы уже воевали под началом Левкона I против гераклеотов за подчинение Феодосии (3, с. 49-50, 53). Где эти скифы были в момент военного реванша "саммеотов"? Если они приняли битву и были полностью разгромлены (физически уничтожены) "грозными саммеотами", то как они успели восстановить силы для войны с гераклеотами? Если они понесли только тактическое поражение, то акция "саммеотов" теряла всякий смысл: при блокаде Спартокидами с моря, а скифами - с суши, "саммеоты" не продержались бы в Нимфее и нескольких месяцев, не говоря уж о десяти годах, отведённых им на это В.А. Анохиным (3, с. 42). Остаётся допустить только скифский нейтралитет по отношению к "саммеотам", что не соответствует цели их прихода на Боспор в рамках версии В.А. Анохина.

⁴⁰ Привязка В.А. Анохиным серии Н1 к будто бы захватившим город "саммеотам" не согласуется с типологией автономных монет Нимфея, которые лишены как головы льва в профиль, так и подходящей надписи, а "женские головы" - по справедливому замечанию самого учёного - не встречаются среди типов синхронных самосских монет" (3, с. 25).

⁴¹ Помимо указанного, вызывает удивление желание Е.А. Молева представить эллинов, по крайней мере - афинян в лице Гилона, мягко говоря, наивными простаками, заключающими соглашения, в соблюдение которых любой трезвомыслящий человек просто не поверит.

⁴² О том, что обвинения против Гилона не были надуманы Эскином, справедливо указывали еще С.А. Жебелев и Т.В. Блаватская (22, с. 188; 4, с. 74-75).

⁴³ Все монеты изготовлены из серебра (кроме специально оговоренных).

Каталог монет*

I. Монеты, предположительно причисляемые кругу нимфейской нумизматики.

Бн1. (Около 540 - 530 гг. до н.э.?)

1. Л.с. Голова льва с раскрытой пастью вправо.

О.с. Вдавленный квадрат с отдельными, слабо выраженными, неравномерными, диагонально ориентированными выпуклостями Обол.

Вес 0,74 г. 10,5 x 10,9 мм. Коллекция А.Н. Склярова.

Бн2. (Около второй половины предпоследнего десятилетия VI в. до н.э.?)

2. Л.с. Голова льва с раскрытой пастью и высунутым языком влево.

О.с. Вдавленный квадрат с прямоугольным перекрестием Обол.

Вес 0,75 г. 9,2 x 10,5 мм. Ч/к.

Бн3. (Вторая половина 90-х - первая половина 80-х гг. V в. до н.э.)

3. Л.с. Голова льва вправо с раскрытой пастью и высунутым языком.

О.с. Во вдавленном квадрате по диагонали между лучами перпендикулярно расположенного перекрестия - две точки. Гемитартеморий.

Вес 0,05 г. 4,5 мм. Ч/к.

II. Автономные монеты Нимфея.

Н1. (Середина 30-х - 422 гг. V в. до н.э.)

Л.с. Женская голова (нимфа?) в головном уборе (кекрифале?) влево.

О.с. В поле вдавленного квадрата виноградная лоза с гроздью винограда, вверху - ΝΥΝ. Драхма.

4. 4,89 г. ГЭ.

Издан: 26, XXXIX,6; 2, 2,61.

Л. и о. сс. - Как №4. Диобол.

5. 1,49 г, 10,7 x 11,3 мм. Ч/к.

Аналог: 26, XXXIX,7; 60, II,20; 2, 2,62.

Л. и о. сс. - Как №4, но надпись - ΝΥ. Гемибол.

6. 0,35г, 5,7 x 6,6 мм. Ч/к.

6/1. 5,8 x 6,2 мм. Ч/к.

Аналог: 26, XXXIX,8; 2, 2,63; 68, Pl. XXXII,834, 835.

III. Монеты Саммака

НС1. (Первая половина последнего десятилетия V в. до н.э.)

Л.с. Женская голова (нимфа?, Гера?, Аргимпаса?) в головном уборе (кекрифале?) вправо.

О.с. В поле вдавленного квадрата голова льва с раскрытой пастью и высунутым языком, вправо, вверху и слева - ΣΑΜΜΑ. Диобол.

7. 1,06 г, 12,6 x 14,8 мм. Ч/к

7/1. 1,57 г, 11,6 x 13,0 мм. Ч/к.

Издан: 62, p. 44, №2. Аналог: 71, S. 6-7; 65, S. 283; 66, p. 238, № 1065a; 61, pl. CCCLV, № 22.

Л. и о. сс. - Как №7, но надпись слева - ΣΑΜ. Гемибол.

8. 0,27 г, 7,2 x 8,1 мм. Ч/к.

Сокращения, употребляемые в Каталоге: л.с. - лицевая сторона; о.с. - оборотная сторона; БН - серия монет с предполагаемой боспорской и нимфейской принадлежностью; Н - серия автономных монет Нимфея; НС - нимфейская серия монет Саммака; Ч/к - частная коллекция; ГЭ - Государственный Эрмитаж.

- 8/1.** 0,27 г, 7,8 x 8,6 мм. Ч/к.
Издан: 62, р.44, №3. Аналог: 10, XXII, 171; 65, S.283; 62, taf. CCCLV, № 23; 63, S. 72, 199, taf. XVI, № 1.
Л. и о. сс. - Как №8 (отчеканен штемпелями гемиобла на монетной заготовке меньших размеров и веса). Тартеморий.
- 9.** 0,11 г, 5,5 x 5,9 мм. Ч/к.
- 9/1.** 0,8 г, 4,7 x 5,1 мм. Ч/к.
НС2. (Около 406-405 гг. V в. до н.э.)
Л.с. Голова льва с раскрытой пастью, вправо. О.с. Лук со стрелой, сзади - неразборчивая надпись. Принадлежность к монетам Саммака нимфейского чекана предположительна. Тетробол.
- 10.** 2,98 г, 13,5 x 15 мм. Париж.
Издан: 63, pl. CCCLV, № 24; 62, р.44, №1.
Л.с. Колчан для лука. О.с. В поле вдавленного квадрата лук скифского типа вертикально влево, по его сторонам - ΣΑ. Тартеморий.
- 11.** 0,10 г, 5,3 x 6,2 мм. Ч/к.
- 11/1.** 0,13 г, 4,8 x 6,8 мм. Ч/к.

Дополнение:

- 12.** Фанагория под синдским протекторатом. (Середина - конец 30-х гг. V в. до н.э.)
Л.с. Геракл, проверяющий закрепление тетивы на луке.
1,61 г, 13,7 x 14,6 мм. Ч/к.
- 13.** Керкинитида. Литой стилизованный наконечник стрелы, на л и о. сс. которого помещен профилированный знак в виде Т-образного перекрестия. Бронза.
1,12 г, 22,0 x 8,5 мм. Ч/к.
- 14.** Ольвия. (Около 460-430 гг. до н.э.)
Л.с. Геракл, натягивающий лук.
11,73 г, 20 мм. Париж.
Издан: 63, col. 1081-1082, №1171, pl. 355,21; 30, с.88. Рис.2, 6, 7.
- 15.** Ольвия. "Дельфинчик". Бронза.
Вес 1,39 г, 21,9 x 8,3 мм. Ч/к.
- 16.** Афины. (Около 440-407 гг. до н.э.)
Л.с. Голова Афины в шлеме, украшенном венком вправо. О.с. Во вдавленном квадрате сова, стоящая вправо с разворотом головы впрямь, АΘΕ. В левом верхнем углу просматриваются остатки лунарного изображения. Гемиобол.
0,24 г, 6,9 x 7,2 мм. Ч/к.
- 17.** Изображение на золотой бляшке первой половины IV в. из кургана, раскопанного в 1852 г. у Фанагории. (40, с. 14-16, рис. 3,е).

MELNIKOV O.N.

NYMPHAION, THE SCYTHIAN LEADER SAMMAK AND "GILLON'S TREASON"

Summary

The work is devoted to the publication of coins from ancient Nymphaion dating back to the 5th -4th centuries BC and finds of ancient coins in Nymphaion. The author scrutinizes written sources of the period and events, which were called "Gillon's treason". Basing on these facts the author attributes a new type of coins to the coinage of Nymphaion.

Рис. 1. Монеты Нимфея (4-6/1), Саммака (7-8/1) и предположительно причисляемые к кругу нимфейской нумизматики (1-3). Увеличено и натуральная величина.

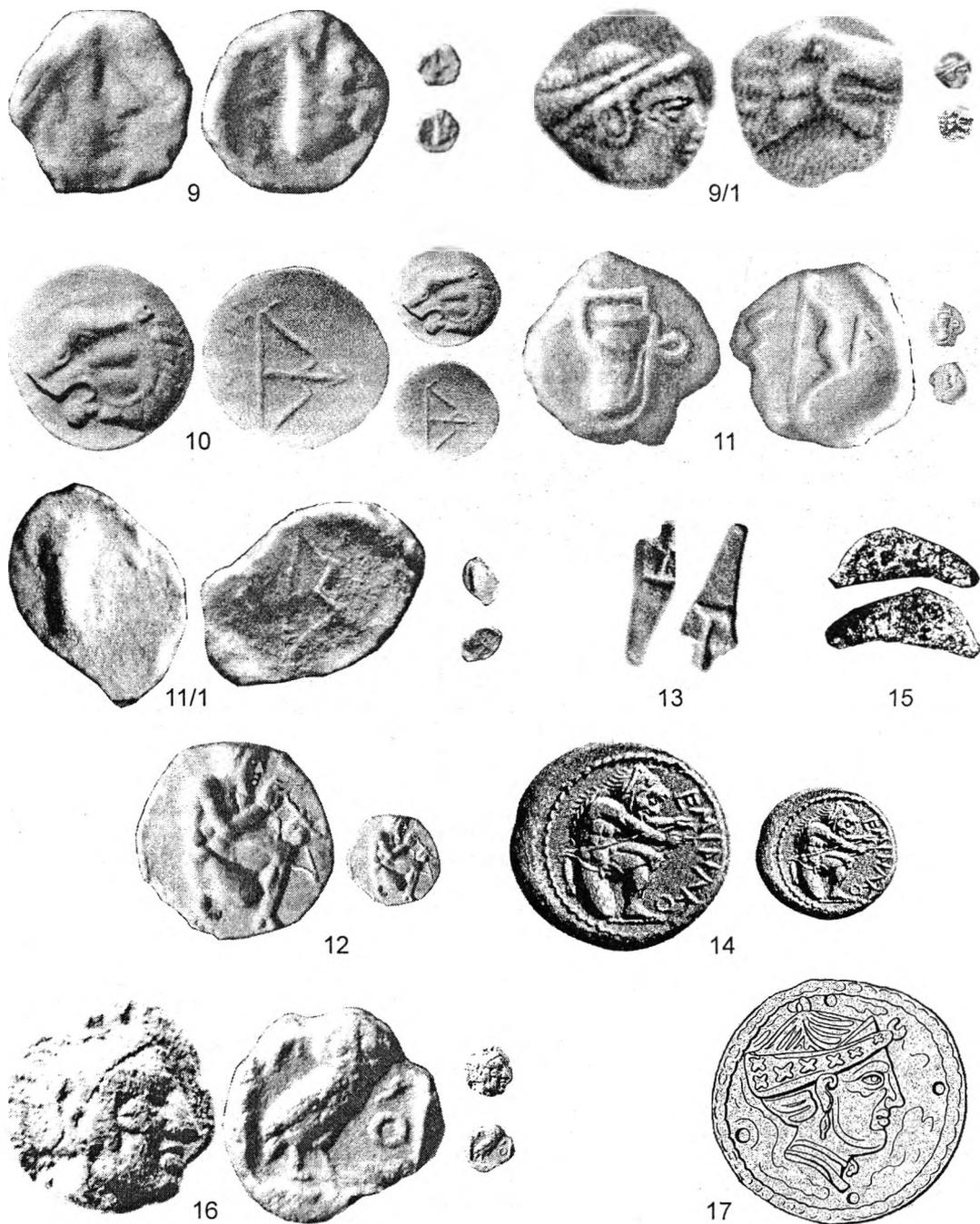

Рис. 2. Монеты Саммака (9, 9/1, 11, 11/1), предположительно Самака (10), найденные в Нимфее (12, 13, 15, 16), монета Ольвии (14) и бляшка из Фанагории (№ 17). Увеличено (кроме №№ 13, 15) и натуральная величина (кроме №17).